

400 лет ДОМУ РОМАНОВЫХ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

XIX — начало XX в.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РОССИЙСКОГО

ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

А. СОКОЛОВ, И. ЗИМИН

400 лет Дому Романовых

Игорь Зимин

**Благотворительность семьи
Романовых. XIX – начало XX в.
Повседневная жизнь Российского
императорского двора**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Зимин И. В.

Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в.
Повседневная жизнь Российского императорского двора /
И. В. Зимин — «Центрполиграф», 2015 — (400 лет Дому
Романовых)

Перед вами продолжение серии о жизни правителей России. В книге изложены результаты глубокого и всестороннего исследования существования и деятельности благотворительных учреждений, находившихся под покровительством членов Императорской фамилии в период XIX – начала XX в. Благотворительные ведомства, комитеты, общества и входившие в их состав попечительские учреждения осуществляли широкую поддержку различным категориям нуждавшихся, оказывали достаточно совершенную по тем временам социальную помощь. Рассказ об этом представляет собой не только «академический» интерес, потому что и для современной России проблема привлечения общественных сил и средств к решению социальных задач остается чрезвычайно актуальной. Многие из опыта работы ведомств и комитетов под покровительством Дома Романовых может быть востребовано и в наше время.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

© Зимин И. В., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Введение	7
Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы	8
«Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных...»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Соколов, Игорь Зимин
Благотворительность семьи Романовых.
XIX – начало XX в. Повседневная жизнь
Российского императорского двора

© Соколов А. Р., Зимин И. В., 2015

© ООО «Рт-СПб», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Введение

Личная благотворительность в форме традиционной милостыни осуществлялась Романовыми с начала XVII в., однако организованный, системный характер это явление приобрело в только имперский период русской истории. Благотворительность под верховным управлением и с личным участием членов императорской фамилии основывалась на тех же религиозно-нравственных принципах, что и все отечественное благотворение, но имела свои особенности. Она была призвана демонстрировать патерналистское попечение монаршей власти о подданных, однако не сводилась к мероприятиям декларативного характера. В России отсутствовала официальная государственная социальная политика, и, по сути, средством решения этих задач в общегосударственном масштабе являлась организованная благотворительность под покровительством царской семьи и осуществлявшаяся на ее основе социальная помощь.

Организационными формами благотворительности являлись крупные ведомства и комитеты, действовавшие под непосредственным руководством самодержцев, их жен и других членов первой семьи империи.

К XX столетию благотворительные ведомства императорской фамилии стали важнейшим элементом системы социальной поддержки в России. А в начале века к ним добавились новые благотворительные комитеты и общества, в том числе созданные для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. Все благотворительные структуры под покровительством дома Романовых пережили Первую мировую войну и свержение в феврале 1917 г. монархии. Они продолжали действовать при временном правительстве и даже некоторое время при Советской власти, закончив свое существование в конце 1917 – начале 1918 гг.

Благотворительность дома Романовых: мотивация, традиции и организационно-правовые формы

«Сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных...»

Присущая самодержавию парадигма персонификации власти, олицетворявшейся монархом, обусловила многие особенности становления и развития благотворительности в России. Фигура монарха, как зримого олицетворения политической, накладывала свой отпечаток на всю юридическую конструкцию самодержавной России. При такой форме правления власть передавалась по прямому наследству (за исключением ситуаций, складывавшихся в результате дворцовых переворотов), и потому определенную роль во внешней и внутренней политике России играла семья императора. В XVII–XVIII вв. эта роль была обусловлена политическими традициями, а с 1796 г. еще и «Учреждением об императорской фамилии». В XIX столетии влияние монаршей семьи на внутреннюю политику возросло в связи с увеличением числа ее членов, а также тем, что самодержцы назначали своих ближайших родственников-мужчин на высшие государственные посты. Представительницы женской половины традиционно покровительствовали благотворительности.

В XVII столетии, когда Романовы пришли к власти, правовое положение царя и членов его семьи не устанавливалось специальным законом. В XVIII в. решение стоявших перед Россией исторических задач потребовало укрепления и четкого законодательного определения личного статуса монарха и его властных функций. Формулировка, впервые определявшая характер самодержавия в стране, содержится не в отдельном законодательном акте, а в артикулах Устава воинского, принятого в 1716 г. И это не случайно, поскольку армия была важнейшей опорой российского абсолютизма, а воинская иерархия и дисциплина наиболее полно воплощали дух самодержавия.

В Артикуле 20 главы III «О команде, предпочтении и почитании высших и нижних офицеров и о послушании рядовых» говорится: «Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, Его действо, намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением головы казнен»¹. Суровость наказания объясняется в Толковании к Артикулу, которое дает определение самодержавной власти: «Ибо Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благонамерению управлять»². Эти полномочия также имели ближайшие родственники государя. В толковании уточняется: «И яко же о Его Величестве самом в оном Артикуле помянуто, разумеется тако и о Ее Величестве Царской супруги, и Его Государства наследии»³. Приблизительно так же определялся характер монаршей власти в Духовном регламенте, принятом в 1721 г.

В 1722 г. Петр I «Уставом о наследовании престола» отменил фактически являвшуюся законом традицию, согласно которой власть переходила к старшему сыну монарха. После череды дворцовых переворотов, Павел I законодательно определил статус монарха, порядок передачи престола и состав императорской семьи. Два закона были изданы 5 апреля 1797 г.:

¹ Полное собрание законов российской империи (Далее – ПСЗ). I. Т. 5. № 3006.

² ПСЗ – I. Т. 5. № 3006.

³ Там же.

«О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти» и «Учреждение об императорской фамилии». Первый определял статус и полномочия монарха. Статья I этого акта подчеркивает неограниченный и сакральный характер самодержавной власти: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»⁴. Принимая этот закон, Павел, в первую очередь, стремился уберечь свою власть и государство от заговоров и смут. Хотя сам он погиб в результате дворцового переворота, законы, посвященные самодержавию и его семье, просуществовали почти без изменений до свержения монархии в России.

Принадлежность к императорской семье также устанавливалась Учреждением об императорской фамилии. Особенно почетным было положение вдовствующей императрицы. «она, – сказано в Учреждении об императорской фамилии, – сохраняя все свои прежние преимущества, имеет председательство перед супругой царствующего императора»⁵. Вдовствующая императрица имела право держать свой собственный двор. Титулами вдовствующих императриц долгое время пользовались две Марии Федоровны – супруги императоров Павла I и Александра III. Недолго – супруга Александра I Елизавета Алексеевна и жена Николая I – Александра Федоровна.

Очень важной является четвертая часть Учреждения – «О содержании членов императорского дома». На это выделялись весьма значительные суммы. Императрица получала 600 тыс. руб. в год помимо средств на содержание двора. Такое обеспечение она сохраняла за собой и будучи вдовствующей. В случае ее отъезда за границу на постоянное место жительства сумма выплат сокращалась наполовину⁶.

Учреждение об императорской фамилии просуществовало в неизменном виде до 1886 г., когда Александр III внес в него некоторые коррективы. Они касались изменения титулов, сокращения выплат членам императорской семьи и круга лиц, пользовавшихся ими.

Создание в России выборного всесословного законодательного органа – Государственной думы, придание Госсовету функции верхней палаты парламента потребовали корректировки закона о статусе монарха. В 1906 г. вышла новая редакция основных государственных законов. Характер самодержавной власти в них определяется, по существу, как и прежде. Статья 4 главы I «о существе верховной самодержавной власти» гласит: «императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»⁷. Следующая статья напоминает: «особа государя императора священна и неприкосновенна»⁸.

Эти формулировки не были только данью традиции. Закон отражал порядок, при котором самодержавие сохраняло за собой многие прерогативы. Монарх руководил вооруженными силами и внешней политикой. Из ведения думы был изъят ряд статей государственного бюджета, а также дела, касавшиеся ведомств и учреждений, «на особых основаниях управляемых». К их числу относились благотворительные ведомства и комитеты дома Романовых. Однако монарх должен был считаться с законодательной властью. В статье 7-й названной главы разъясняется: «государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой»⁹ (соответственно, верхней и нижней палатами парламента).

⁴ Св. зак. / изд. 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1.

⁵ Там же. Ст. 109.

⁶ См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М., 2011.

⁷ Св. зак. / изд. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 4.

⁸ Там же. Ст. 5.

⁹ Там же. Ст. 7.

Несмотря на некоторое сокращение, произведенное Александром III, средства, поступавшие на содержание августейшего семейства, были огромны. Эти средства были выведены из хозяйственной жизни страны. О том, чтобы платить с них налоги, не могло быть и речи. Министерство императорского двора, в которое входили уделы и кабинет (с 1893 г. – Министерство императорского двора и уделов), фактически являлось «государством в государстве», работавшим исключительно в интересах первой семьи империи. Благотворительные отчисления из указанных сумм, осуществлявшиеся императорами, их супругами и прочими членами царской семьи, были обусловлены традициями и осуществлялись в форме личных пожертвований.

Законы, регламентировавшие полномочия монарха, порядок престолонаследия, права и обязанности родственников по отношению к государю, являлись основой юридической конструкции самодержавия. В вышедшем при Николае I своде законов российской империи закон о священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти и Учреждение об императорской фамилии составляют соответственно первый и второй разделы части первой основных государственных законов. Самодержец являлся главой семьи и главой государства, защитником и покровителем православной веры, источником закона, центральным элементом политической системы абсолютизма. С его фигурой неразделимо были связаны социально-политические представления о власти всех сословий российского общества. Поэтому личный авторитет монарха и членов его семейства, которое насчитывало к началу XX в. до 60 человек¹⁰, был политическим капиталом, тщательно оберегаемым и всячески умножаемым. Этому служила и традиция покровительства благотворительности со стороны дома Романовых, включавшая непосредственное участие в благотворении членов императорской фамилии.

Необходимо отметить, что, кроме императора и наследника, готовившегося к выполнению монарших обязанностей, остальные члены августейшего семейства не обязаны были выполнять какие-либо обусловленные законодательством государственные и общественные функции. Их занятия определялись сложившейся в XIX столетии традицией, согласно которой мужчины занимали военные и административные должности, а женщины покровительствовали благотворительности и просвещению.

Сегодня нет нужды опровергать категорическое утверждение, продиктованное советской идеологией, что все Романовы были «жадными и праздными тунеядцами»¹¹. Романовы, конечно, были очень разными, но в императорской семье было немало умных, образованных, безупречных в нравственном отношении людей, которые ответственно относились к возложенным на них обязанностям. Правда, во многих случаях занятия членов императорской фамилии носили представительский характер и приносили мало пользы. Хуже было, когда личные качества, интеллектуальные и организаторские способности августейших особ явно не соответствовали занимаемым ими важным государственным постам. Примерами могут служить деятельность великого князя Сергея Александровича на посту генерал-губернатора Москвы и руководство Морским министерством со стороны великого князя Алексея Александровича. Но это был «врожденный» порок монархической системы правления.

В XIX столетии окончательно определился род занятий женской половины императорской фамилии. Бурный XVIII в., на протяжении которого женщины четыре раза занимали российский престол, ушел в прошлое. Государственная власть стала уделом мужчин, а высочайшие особы женского пола нашли применение своим силам в покровительстве благотворительности. Начало этому положила супруга Павла I Мария Федоровна (София-Доротей Вюртембергская), взявшая под свое личное руководство и покровительство основанные Екатериной II благотворительные учреждения призрения. В дополнение к ним Мария Федоровна

¹⁰ Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха: книга для учителей. М., 1975. С. 17.

¹¹ Там же.

создала целый комплекс учебно-воспитательных, медицинских и богаделенных благотворительных организаций, названный позднее в ее честь «ведомством учреждений императрицы Марии».

Покровительство благотворительности, являвшееся выражением личных качеств Марии Федоровны, еще при ее жизни стало устойчивой традицией, которой следовало большинство членов императорской фамилии. В России участие обладателей верховной монархической власти в делах благотворения имело глубокие исторические корни.

С утверждением на Руси христианства милосердие, забота о сиротах, детях, немощных стали важной составляющей образа доброго, справедливого и мудрого правителя, частью, говоря современным языком, его политического имиджа. В относящемся к XI в. «слове о законе и Благодати» Иллариона, автор, прославляя князя Владимира, восклицает: «...кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и ночью убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости»¹². Подчеркивается цель этой деятельности: «твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом его...»¹³. Эту цель благотворители на Руси преследовали в течение веков.

Характеризуя средневековую русскую благотворительность, В. О. Ключевский, в частности, замечает: «Любовь к ближнему полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Такая помощь рассматривалась не как средство облегчить жизнь нуждающимся, а как духовное, нравственное возвышение самого дающего»¹⁴. Богоугодным делом считалась не только раздача милостыни, но и призрение на основе благотворительности, которое власть признавала необходимым уже в XVI столетии. Стоглавый собор 1551 г., в частности, постановил создать в городах богадельни для больных и престарелых нищих, которым «боголюбцы могли приносить милостыню и все необходимое для жизни своего ради спасения»¹⁵. Но это была не практическая попытка создать систему учреждений призрения, а, скорее, декларация о намерениях. Благотворительность оставалась частным делом, в том числе для носителей верховной власти.

Иногда дореволюционные и современные исследователи рассматривают как благотворительность мероприятия Бориса Годунова и Василия Шуйского по раздаче денег в Москве во время голода. По форме это напоминает благотворение, но, по существу, такие раздачи являлись скоротечными акциями, призванными снять социальное и политическое напряжение в столице.

¹² Литература Древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева. М., 1990. С. 48.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 78.

¹⁵ Стоглав. СПб, 1997. С. 198.

Конный портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный художник. 1670–1680-е гг.

Классический пример частной благотворительности русского государя – поведение царя Алексея Михайловича, которое было, по словам того же В. О. Ключевского, «дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дела мертва»¹⁶. В дни религиозных праздников Алексей Михайлович лично раздавал милостыню продуктами и деньгами нищим и даже заключенным. Это являлось, прежде всего, выражением его личных качеств. «Царь Алексей Михайлович, – отмечает Ключевский, – был добрейший русский человек, славная русская душа. Он любил людей и желал им всякого добра»¹⁷.

Современные историки видят и другие истоки такой благотворительности. Например, И. Я. Фроянов полагает, в частности, что она «указывает не просто на нищелюбие русских

¹⁶ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 79.

¹⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. Т. 3. С. 307.

самодержцев, а свидетельствует об их попечительстве, обращенном к бедным»¹⁸. Но это попечительство скорее было выражением тех же личных качеств и следованием патерналистской традиции, чем результатом осмысления социальных проблем. В средние века в сознании народа «главнейшими качествами идеала „истинного царя“ были защита народа от бояр и воевод, милостивое отношение к простым людям, верность православным традициям и заветам»¹⁹. В императорскую эпоху, когда действовали благотворительные ведомства под покровительством дома Романовых, оказываемая ими помощь облекалась именно в форму патерналистской заботы монаршей власти о подданных.

И в Средневековье, и в имперский период такой подход власти к благотворению отвечал религиозным идеалам русского народа и сакрализации монаршей власти. Возвращаясь к Алексею Михайловичу, отметим, что сведений об осуществлении каких-либо организованных мероприятий в области благотворительности и призрения в его царствование не имеется. Отчасти к подобным деяниям можно отнести выкуп пленных, о котором говорится в главе восьмой соборного уложения 1649 г. Он признается обязанностью государства. Для его осуществления с населения взимался налог. Но выкуп считался таким же богоугодным делом, как раздача милостыни. За это, говорится в Уложении, «общая милостыня нарицается, а благочестивому Царю и всем православным христианам за это великая мзда от Бога будет»²⁰.

¹⁸ Фроянов И. Я. Вступительное слово // Дом Романовых в истории России. Материалы к докладам 19–22 июня 1995. СПб, 1995. С. 7.

¹⁹ Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4. С. 81.

²⁰ Памятники русского права. Выпуск 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 65.

Царь Федор Алексеевич. Гравировальный портрет XVIII в.

Первые сведения о попытках организовать призрение относятся ко времени правления царя Федора Алексеевича. При нем в 1682 г. был издан указ об открытии в Москве приютов и богаделен. Однако никаких конкретных сведений о деятельности этих учреждений не имеется. Больше известно о том, как пытался организовать благотворительность и призрение Петр I. Как и его предшественники на престоле, Петр считал себя не просто правителем, а покровителем и защитником всех своих подданных. Однако это не находило выражения в его личной благотворительности. Он стремился регламентировать ее и поставить под контроль государства, на которое он смотрел как на военный корабль – «символ организованной, рассчитанной до дюйма структуры, воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разума человека»²¹. На корабле не следовало находиться лишним людям. Дворянину надо было служить, священнику – молиться, купцу – торговать, крестьянину – пахать. Просящим милостыню места не было. Больным и немощным должно было находиться в богадельнях. Здоровых, которые не служили и не трудились, Петр требовал наказывать и определять в работу. Бродяжничество и попрошайничество жестоко преследовалось. Запрещалось как просить, так и подавать милостыню на улицах.

²¹ Ашисимов В. Е. Петр I: Рождение империи // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3–4.

В принципе Петр не был против того, чтобы частные лица творили добро. Он лишь стремился упорядочить такую помощь, чтобы не плодить профессиональных попрошайек. В одном из указов царь требовал «милостыни отнюдь не давать; а ежели кто похочет дать милостыню: и им отсылать в богадельню; а буде которые люди станут таким нищим милостыню подавать, имать у них штрафу, первый (раз. – *Прим. авт.*) по 5, другой по 10 рублей»²².

Борьба с нищенством была поручена полицейским властям. Однако репрессивные меры, широко применявшиеся Петром для искоренения нищенства, были малоуспешны. Об этом свидетельствуют несколько десятков указов, посвященных этой проблеме. Только в 1710 г. Подобных документов вышло пять²³. Попытки Петра создать сколько-нибудь организованное государственное призрение также не увенчались успехом. Для этого у него не было ни времени, ни средств.

²² ПСЗ – I. Т. 5. № 4047.

²³ Ильинский В. Благотворительность в России (история и настоящее положение). СПб, 1908. С. 11.

Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия. Художник Д. Г. Левицкий. 1798 г.

Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей благотворительности, утверждающих, что «при Петре законодательство стало на верный путь общественного призрения бедных»²⁴. Но положительным моментом в подходе Петра к вопросам призрения было то, что заботу о сиротах, а также об инвалидах и немощных, отслуживших государству, он признавал обязанностью таких государственных институтов, как монастыри. При преемниках Петра в первой половине XVIII в. ситуация в области благотворительности и призрения принципиально не менялась.

Печать Императорского воспитательного дома

Непосредственное внимание верховной власти к благотворительности и призрению на ее основе возрождается во второй половине XVIII столетия. Екатерина II, вступив на престол, вскоре провозгласила: «Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности каждого боголюбивого правителя»²⁵. Так императрица определила свое отношение к проекту воспитательного дома, разработанному и представленному ей государственным деятелем и просветителем И. И. Бецким. Воспитательный дом мыслился как благотворительное учреждение призрения для подкидышей и сирот. Бецкой также был разработчиком проекта воспитательного общества благородных девиц – закрытого учебно-воспитательного заведения для девушек дворянского происхождения. Созданные императрицей воспитательные дома в Москве и Петербурге и воспитательное общество благородных девиц (иначе – Смольный институт) пользовались ее постоянным вниманием. Руководствуясь идеями просвещения, Екатерина в то же время по существу возродила древнюю

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ ПСЗ – I. Т. 16. № 11908.

российскую традицию покровительства благотворительности и участия в ней правителей государства. Это полностью укладывалось в сознательно культивировавшийся императрицей образ гуманного и просвещенного монарха, «философа на троне» и «боголюбивого правителя». Но речь шла уже не только о демонстрации личного милосердия, а о создании на основе благотворительности организованной социальной помощи в виде учреждений призрения.

Учреждение Воспитательного дома императрицей Екатериной II. Гравюра XIX в.

Покровительствуя благотворительности, Екатерина не объявляла призрение прямой обязанностью государства. Чтобы не обременять казну, она решила создать и содержать воспитательные дома «на едином самоизвольном подаянии от публики»²⁶. Образованные в 1775 г. учреждения о губерниях приказы общественного призрения были органами государственной власти, но имели право привлекать благотворительные пожертвования. Эти средства поступали и в Смольный институт, хотя при Екатерине он содержался, главным образом, за счет казны.

Таким образом, в екатерининское время начал формироваться системный подход к благотворительности, использовавшейся не только для достижения властью политических и идеологических целей, но и для финансирования призрения.

Существовало и еще одно обстоятельство, заставлявшее Екатерину лично заниматься вопросами благотворительности и призрения. На него указывал Бецкой, представляя импера-

²⁶ ПСЗ – I. Т. 16. № 11901.

трице в 1764 г. доклад «о воспитании юношества обоого пола». Социальная помощь этой категории неотделима от процесса воспитания, поэтому слова Бецкого вполне можно отнести и к признанию. Дело воспитания юношества чрезвычайно трудное, рассуждает Бецкой, обращаясь к императрице, поэтому оно «не имеет к тому иного поощрения, кроме обитающих в особе вашего величества Божественных дарований и матерняго (материнского. – *Прим. авт.*) благоутробия и при всей тягости государственного управления не находит иного подкрепления кроме вашей твердости и великодушия»²⁷. Высоким стилем Бецкой излагает простую мысль – без постоянного и непосредственного внимания государыни дело не пойдет. Основания так рассуждать у Бецкого имелись. Реформами Петра I был создан достаточно эффективный для того времени государственно-бюрократический аппарат, который, так или иначе, работал все XVIII столетие. Но организация благотворительности и признания являлась совершенно новым (если не считать спорадических попыток Петра I) и очень сложным делом.

Итак, при Екатерине II бы ли заложены принципы, на которых впоследствии развивались благотворительные учреждения признания под покровительством дома Романовых: демонстрация заботы монаршей власти о подданных; придание этим учреждениям государственного характера, но исключение их из общей системы государственных органов империи; финансирование, как на основе благотворительности, так и с использованием казенных средств.

²⁷ Там же. № 12130.

Императрица Мария Федоровна. Гравировальный портрет начала XIX в.

Несмотря на высочайшее внимание, созданные Екатериной благотворительные учреждения к концу ее правления пришли в полное расстройство (как и многие другие начинания).

Фактическое возрождение и дальнейшее развитие этих учреждений связано с именем императрицы, супруги (и вдовы) Павла I Марии Федоровны, создавшей целую систему учреждений призрения, действовавших на благотворительной основе.

Благотворение в то время по-прежнему рассматривалось как доброе дело, направленное на помощь бедным и нищим, как средство спасения души творящего добро. Но оно стало необходимым элементом призрения, социальной политики. Это нашло свое выражение в сосредоточении благотворительности под покровительством дома Романовых в особых ведомствах, куда вошли как екатерининские учреждения призрения, так и вновь созданные в конце XVIII – начале XIX вв.

С этого времени вплоть до свержения монархии число благотворительных ведомств, комитетов и обществ, подчинявшихся непосредственно монарху и членам его семьи, постоянно возрастало. Для понимания роли и места этих организаций, как инструментов социальной политики, следует определить, что такое благотворительность, как она рассматривалась в

России в разное время, что понимали под этим термином на рубеже XIX–XX вв., как благотворительность рассматривается в наше время, какова ее связь с призрением.

В зависимости от целей, задач и традиций благотворения на разных этапах истории страны, уровня развития государственных и общественных институтов, сословных представлений благотворительность понималась в России по-разному. «спросите, что значит делать добро ближнему и, возможно, что получите столько ответов, сколько у вас собеседников, – отмечал В. О. Ключевский, посвятивший благотворительности специальное исследование „добрые люди Древней Руси“. – но поставьте их прямо перед несчастным случаем, перед страдающим человеком с вопросом, что делать – и все будут готовы помочь, кто чем может»²⁸.

В самом широком смысле благотворительность понималась и понимается как оказание бескорыстной, добровольной помощи в чем-то нуждающемуся. В средневековой Руси, как отмечалось, она рассматривалась, главным образом, как средство спасения души подающего, выполнение христианского долга. Такой подход сохранялся и позже. Но возрастание роли благотворительности как средства оказания социальной помощи, создание действовавших на такой основе обществ и учреждений призрения требовали более точного определения значения этого термина.

В начале XIX в. «словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный» трактовал «благотворение» как «благодаяние, оказывание добра другому»²⁹. Это определение не указывает именно на социальный характер помощи. Но в том же словаре приводится часто использовавшийся термин «призирать», «призреть», то есть «принимать о ком попечение, брать кого в свое покровительство, благодетельствовать кому»³⁰. В данном определении прослеживается социальный характер оказания помощи.

В начале XIX столетия начал использоваться и термин «общественное призрение». В изданном в 1818 г. Министерством внутренних дел сборнике материалов «Об общественном призрении в России» оно определяется как «устройство пристанища для бедных, больных, вдов и сирот, доставление им и всем нуждающимся пропитания, покрова, пособия и вообще призрения»³¹.

До конца XIX в. четкого различия между благотворительностью и общественным призрением не прослеживается. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые выпущенном в 1861–1867 гг., указано: «Благотворительный о человеке: склонный к благотворению», то есть «готовый делать добро, помогать бедным»³². Даль упоминает и о благотворительном «учреждении, заведении: устроенном для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих или ради попечения о них»³³. «Призирать», или «призреть, призреть, призреть», у Даля означает: «Принять, приютить и пристроить, дать приют и пропитание, взять под покров свой и озаботиться нуждами ближнего»³⁴. Так В. И. Даль указывает на социальное значение благотворительности, отдельно упоминая о призрении.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона благотворительность объясняется как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему»³⁵. В статье «Благотворительность», содержащей это определение, имеется также термин «призрение», но лишь как синоним благотворительности. Однако «при-

²⁸ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 7.

²⁹ Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I, А – Д: в 6-ти частях. СПб, 1806. Ч. 1. Стб. 226.

³⁰ Словарь академии российской... Ч. 5, П – С. СПб, 1822. Ч. 5. Стб. 1142.

³¹ Об общественном призрении в России. Б.м., 1818. С. 1.

³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А – З. С. 94.

³³ Там же.

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. П М., 1955. Т. 3. С. 414.

³⁵ Благотворительность // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1891. Т. 4. С. 56.

зрение общественное» характеризуется в словаре иначе. Оно представлено как разновидность благотворительной деятельности, как «культурная форма благотворительности»³⁶. В противоположность стихийному благотворению, исходящему от индивидуума, не поддающемуся организации и не всегда направленному на тех, кто действительно в нем нуждается, общественное призрение трактуется как отличающееся «организацией, мотивами и целями»³⁷. В статье «Призрение общественное» подчеркивается: «организация в общественном призрении проявляется двояким способом: по отношению к получающим помощь и к оказывающим ее»³⁸. Общественное призрение рассматривается как задача общины, земской единицы. Соответственно главной мотивацией призрения является «сознание гражданской солидарности между членами общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения»³⁹, однако, не уточняется, что в общественном призрении является функцией общества и что государства. В статье «Россия», в разделе «общественное призрение и благотворительность», также не указано, каковы принципиальные различия между этими понятиями.

Дореволюционное российское законодательство тоже не устанавливает четкого различия между благотворительностью и призрением и даже не дает их подробного определения. Последняя (1915 г.) редакция «Устава о общественном призрении», содержащегося в своде законов российской империи, включает «Учреждение установлений общественного призрения и заведений, императору подведомственных», в котором говорится о благотворительном характере этих установлений и заведений. «Учреждение» включает закон «о благотворительных обществах, заведениях и кассах, о кассах взаимопомощи и о пособиях и ссудах по разным случаям». Как видно, законодательство отдает приоритет общественному призрению и понимает его более широко, чем благотворительность.

Отсутствие четких определений в законодательстве объясняется тем, что в российской империи не было единой, общегосударственной, официальной системы социальной помощи. Действовали многочисленные, но разрозненные организации благотворительного характера, а также государственные структуры, призванные координировать их работу.

Недостатки этой системы стали особенно очевидны к концу XIX в., когда бурное развитие капиталистических отношений привело к обострению прежних и появлению новых социальных проблем. К этому времени российская благотворительность накопила огромный опыт, а власть позволила публично обсуждать в допустимых границах социальные вопросы. Видя инерцию государства в области совершенствования системы социальной помощи, общественность, мало рассчитывая на то, что оно возьмет на себя инициативу в этой области, активно обсуждала и предлагала различные проекты реорганизации призрения. При всем разнообразии высказывавшихся идей, общей мыслью была необходимость выработки общегосударственной социальной политики, в реализации которой наряду с официальными структурами участвовали бы и широкие слои общественности.

В этой связи для теоретиков и практиков благотворительности важно было установить, что в области социальной политики является функцией государства, а что задачей общественных организаций и частных лиц. Это, в свою очередь, требовало уточнения понятий, в том числе того, что же следует понимать под благотворительностью и призрением. Например, П. Н. Георгиевский выделял частную, общественную и государственную деятельность в социальной сфере. Благотворительность он рассматривал как область общественной и частной работы. Однако общественность, по его мнению, не могла заменить государство, которое «должно было охранять правовой порядок, так как неимущие, голодающие всегда являются

³⁶ Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

³⁷ Там же.

³⁸ Призрение общественное // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон: в 82-х т. СПб, 1898. Т. 25. С. 165.

³⁹ Там же.

угрозой спокойному существованию и развитию общества»⁴⁰. Задача государства – общественное призрение, состоявшее в том, чтобы не позволять никому из граждан умереть от голода и лишений. Государство должно было вмешиваться там, где частной и общественной инициативы не хватало для решения социальных задач. Георгиевский полагал, что государству следует поручить контроль и координацию деятельности благотворителей «скорее в форме побуждения, чем приказаний»⁴¹.

В том же направлении рассуждал и Е. Д. Максимов. Благотворительность, по его мнению, являлась сферой деятельности частных лиц и их объединений. Задача государства – оказание помощи благотворителям в тех случаях, когда они, помогая нуждающимся, не могли обойтись своими средствами. «таким путем, – рассуждает Максимов, – из соединения частной благотворительности и общественного призрения как отрасли государственного управления возникает идея организованного общественного попечения о бедных»⁴².

Подобные суждения высказывали и другие исследователи, теоретики и организаторы благотворительности.

В ряде случаев субъектом благотворительности представлялось государство. В 1901 г. вышел первый том официозного издания «Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России». Как видно из названия, составители полагали, что существует «государственная благотворительность». При этом в книге отсутствуют указания на различия между упомянутыми видами благотворительности. Можно предположить, что под государственной благотворительностью понимались приказы общественного призрения и благотворительные заведения министерств и прочих государственных ведомств. Это издание – подтверждение того, что в высших эшелонах государственной власти отсутствовало четкое понимание того, что в области призрения является задачей государства и что – задачей общественной и частной благотворительности.

К концу XIX столетия сложилось более или менее общее понимание благотворительности как деятельности частных лиц либо сословных, профессиональных, религиозных, территориальных и прочих негосударственных объединений и организаций по оказанию добровольной, бескорыстной помощи нуждающимся. Общественное призрение рассматривалось, как правило, в качестве общегосударственной задачи. Но четкого различия в понимании благотворительности и призрения не было. Объяснение этому можно найти в докладе К. И. Ануфриева «основы обязательного призрения бедных», сделанном на съезде по общественному призрению, состоявшемся в мае 1914 г. в Петербурге. Докладчик отмечал, что «основой дела призрения в России до сего времени являлась частная благотворительность, традиции которой невольно передаются организациям, имеющим общественный характер, настолько, что даже самое понятие об общественном призрении у большинства деятелей на этом поприще отождествляется с понятием о благотворительности»⁴³. В действительности, подчеркивает Ануфриев, разница между благотворительностью и общественным призрением велика. Благотворительность «может делать в пределах своих средств все, в основу чего заложено чувство благодеяния к более слабому»⁴⁴. Но благотворительность, заключает Ануфриев, «не может быть положена в основу общественного призрения, так как является слишком неустойчивым и самобытным элементом, рассчитывать на который, как на нечто постоянное, правильное

⁴⁰ Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. СПб, 1894. С. 82.

⁴¹ Там же.

⁴² Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России (извлечение) // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1. История социальной политики в России. М., 1994. Т. 1. С. 28–29.

⁴³ Ануфриев К. И. Основы обязательного призрения бедных // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2-х т. Т. 1. Доклады и журналы заседаний. Пг., 1914. Т. 1. С. 194.

⁴⁴ Там же.

совершенно невозможно»⁴⁵. С такой оценкой можно согласиться. В дореволюционной России, однако, почти все учреждения призрения традиционно назывались благотворительными. До революции 1917 г. Власть так и не провела черту между благотворительностью и общественным призрением.

В советское время благотворительность характеризовалась как политика буржуазии, маскирующая эксплуатацию трудящихся и отвлекающая их от классовой борьбы. Во втором издании Большой советской энциклопедии, выпущенном в 1949–1958 гг., в статье «Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность – помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы»⁴⁶. Утверждается, что, несмотря на это, «капитализм обрекает трудящихся на разорение и вымирание»⁴⁷. Разъясняется, почему при социализме не может быть благотворительности: «социалистический строй ликвидировал нужду, нищету и безработицу»⁴⁸. Решение всех социальных задач взяло на себя государство, поэтому частная и общественная инициатива в социальной сфере не требовалась.

Подобным образом в советское время трактовался и термин «филантропия». В «Словаре иностранных слов», вышедшем в 1955 г., это слово переводится как «человеколюбие», «благотворительность» и определяется, как «одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свою эксплуататорскую сущность посредством лицемерной, унижительной „помощи бедным“ в целях отвлечения их от классовой борьбы»⁴⁹.

Общественно-политические перемены в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. позволили приступить к изучению проблем отечественной истории, исследования по которым ранее не были возможны. В их числе была и история российской благотворительности. С распадом Советского Союза и ликвидацией советской политической и экономической системы оказалась разрушенной прежняя система социального обеспечения. Создание новой, соответствующей реалиям рыночной экономики, сопровождалось большими сложностями.

Немало проблем в социальной сфере имеется и сейчас. Этим тоже обусловлен научный и практический интерес к истории российской благотворительности. Соответственно, современные исследователи обращаются к той терминологии в области благотворительности и призрения, которая выработалась до революции. При этом допускается очень широкая трактовка этих понятий.

Не вызывает сомнений оценка благотворения как частной или общественной деятельности. Но встречаются и такие определения, как «народная благотворительность» и «государственная благотворительность». Первая, по мнению некоторых исследователей, заключалась в том, что «даже небогатый русский мужик давал приют и делил свою, иногда скудную пищу с обездоленным. ... поминки, крестины или другие торжественные дни всегда отмечались раздачей милостыни»⁵⁰. В данном случае речь идет о разновидности частной благотворительности, самой распространенной и широко описанной в исторической литературе. О «государственной благотворительности» современные исследователи упоминают, как правило, в связи с реформами Петра I. Например, И. Я. Фроянов полагает, что «Петр I отдавал предпочтение государственной благотворительности перед индивидуальной милостыней»⁵¹. Но этот же автор

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Благотворительность // Большая советская энциклопедия: в 51-ти т. / 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 278.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 279.

⁴⁹ Словарь иностранных слов / 5-е изд. М., 1955. С. 733.

⁵⁰ Степанец К. В. Николай I и ведомство учреждений императрицы Марии // Философский век. Альманах 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб, 1998. С. 175.

⁵¹ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 7.

отмечает, что Петр «вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности как учреждения, как системы богоугодных заведений»⁵².

Петр, как известно, не запрещал частную благотворительность в принципе, а только стремился направить ее для оказания помощи находившимся в государственных учреждениях – богадельнях и монастырях. Поэтому в данном случае речь может идти о попытках Петра организовать государственный контроль над благотворительностью, но никак не о замене частной благотворительности «общественной» или «государственной».

О роли государства в этой сфере упоминается и в энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года». В первом томе в статье «Благотворительность» дается такое определение: «Благотворительность, помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц (общественное и частное призрение)»⁵³. Четкого разделения между благотворительностью и призрением в статье нет, но авторы различают побудительные мотивы. Если личная и общественная благотворительность, по их мнению, вызывалась в дореволюционной России «состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями, патриотизмом, желанием получить признательность со стороны правительства, которое поощряло благотворительность», то заинтересованность государства состояла в стремлении «устранить социальную опасность, источником которой было нуждающееся население»⁵⁴. Характеристика благотворительной деятельности как государственной вызывает сомнение, поскольку функция государства состоит в поддержании социального порядка, в том числе путем оказания помощи всем нуждающимся, а не выборочно, как это делали и делают благотворители. Благотворительность не может полностью заменить государство в социальной сфере, поскольку у них разные задачи. В дореволюционной России государство сознательно поощряло благотворительность, если не могло или не желало брать на себя ответственность за призрение подданных. Поэтому помощь нуждающимся со стороны государства традиционно воспринималась как благотворительность, а в ряде случаев сознательно облекалась в форму заботы монаршей власти о подданных, осуществлявшейся на основе организованной благотворительности с привлечением государства. Некоторые современные исследователи выбирают более верную характеристику, подчеркивая, что со времен Петра I благотворительность сделалась «общегосударственной проблемой»⁵⁵.

В новейшей отечественной историографии четкая граница между благотворительностью и другими формами социальной поддержки была установлена в диссертационном исследовании Г. Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 г.». Автор отмечает, что «термин „призрение“ („общественное призрение“) применяется ко всей сфере, связанной с социальной реабилитацией основных категорий населения, нуждающихся в помощи»⁵⁶, подчеркивая, что «понятие «благотворительность» не совпадает целиком с «общественным призрением», ибо не включает государственный уровень реализации программ социальной реабилитации»⁵⁷.

Обстоятельная характеристика благотворительности дается в социальной энциклопедии, вышедшей в 2000 г. Благотворительность рассматривается как «общечеловеческое движе-

⁵² Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 8.

⁵³ Лачаева М. Ю., Наумова Р. Г. Благотворительность // Отечественная история: энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1.: А – Д: / редкол. В. Л. Янин (гл. ред.) и др. М., 1994. Т. 1. С. 240.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Афанасьев В. Г., Соколов А. Р. Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы: учебно-методическая работа. СПб, 1998. С. 15.

⁵⁶ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-е–1914 гг.: автореф. дисс... канд. ист. Наук: 07.00.02 отечественная история. М., 1995. С. 3.

⁵⁷ Там же.

ние, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ и так далее. В их основе – стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать безвозмездную материальную, финансовую помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам»⁵⁸. Характер взаимодействия государства и благотворительности определяется следующим образом: «Благотворительность призвана восполнить или дополнить усилия государства в отношении социальной заботы о людях»⁵⁹. Указывается и на конкретные направления такой работы. К их числу относится «поддержка программ общественно важных форм деятельности (борьба с опасными заболеваниями, охрана окружающей среды, развитие науки, образования, здравоохранения, культуры и т. д.)»⁶⁰.

В современной России благотворительность вновь получила признание как важнейшая форма общественной деятельности, требующая ее законодательной регламентации. 11 августа 1995 г. принят федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в котором дается следующее определение: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»⁶¹.

Несмотря на широкое развитие благотворительности в дореволюционной России, юридический статус благотворителей не был определен общим законодательством. В законоположениях отдельных благотворительных ведомств, обществ и учреждений говорилось только об участии благотворителей в управлении этими структурами или о предоставлявшихся императором привилегиях. Современный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» четко определяет: благотворители – это «лица, осуществляющие благотворительные пожертвования в формах: бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачи в собственность имущества, в том числе денежных средств и (или) объектов интеллектуальной собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) надления правами владения, пользования и распоряжения любыми объектами прав собственности; бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) выполнения работ, предоставления услуг благотворителями – юридическими лицами»⁶². Закон указывает также, что благотворители сами могут определять цели и порядок использования своих пожертвований.

Кроме благотворителей, бескорыстную помощь могут оказывать и добровольцы, то есть «граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации»⁶³. Закон устанавливает взаимоотношения государства и благотворительных организаций. Разумеется, и речи не может идти о том, чтобы государство облекало социальную помощь в форму благотворительности, как это было в дореволюционной России. Государством лишь «гарантируется и обеспечивается защита предусмотренных законодательством Российской Федерации прав и законных интересов граждан и юридических лиц – участников благотворительной деятельно-

⁵⁸ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

⁵⁹ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия / Редкол. А. П. Горкин, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М., 2000. С. 45.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

⁶² Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.08.95 г., № 33. Ст. 3334.

⁶³ Там же.

сти. В некоторых случаях определения благотворительности включают ее мотивацию. Например, в социальной энциклопедии отмечается, что «в основе благотворительности лежит мотивация людей, испытывающих сострадание к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи»⁶⁴.

Воплощение этой мотивации в акт благотворения иногда сопровождается условиями, установленными религиозной традицией и общественным мнением. Христианство, в частности, требует скромного и тихого подаяния милостыни. В новом завете рекомендуется, творя милостыню, «не трубить перед собой» ради своего прославления. В данном случае христианское вероучение исходит из того, что милостыня важна не для окружающих, а для самого дающего, как средство индивидуального духовного самовоспитания. И, чтобы оно было действенным, милостыня должна быть искренней, а не показной. Однако для человека важна общественная оценка его деятельности, которая становится все более значимой с развитием государственных и общественных институтов. Уже во времена Киевской Руси подаяние было в ряду поощряемых обществом добродетелей, оценка окружающих стала важна для благотворителя, особенно если он занимал видное положение. Кроме того, дающий милостыню побуждал своим примером делать добро других.

Развитие государственных и общественных институтов влияло и на формирование стимулов к благотворительной деятельности. Религиозно-нравственные стимулы наиболее последовательно проявлялись в помощи людям своего социального круга, сословия. Такая позиция учитывалась и российским законодательством, закреплявшим обязанности по призрению нуждающихся за сословными органами управления – крестьянской общиной, мещанскими и купеческими обществами. Так проявлялись не только религиозно-нравственные, но и социальные истоки. Благотворители стремились оказывать реальную социальную помощь в первую очередь людям своего круга.

Если для того или иного сословия или общественной группы благотворительность как средство решения социальных задач имела единичный или локальный характер, то в общегосударственном масштабе ее значение неизмеримо возрастало.

Благотворительность расценивалась властью как важный инструмент решения социальных проблем еще, по крайней мере, с XVI в. в императорской России практически вся социальная политика государства строилась на благотворительной основе и посильное участие в столь важной сфере всячески стимулировалась властью. Для благотворителей, жертвовавших на призрение, социальные стимулы играли не меньшую роль, чем религиозно-нравственные.

Мероприятия власти по организации призрения на благотворительной основе были направлены на обеспечение политического спокойствия в империи. Эта задача решалась, в том числе, и благотворительными ведомствами под покровительством дома Романовых. В России, государстве с монархической формой правления и патриархальными представлениями о царе, как защитнике бедных и слабых, высочайшее покровительство благотворительности решало политическую задачу. Следовательно, еще одним стимулом российской благотворительности был политический, выразившийся в стремлении власти и определенной части общества сохранить стабильность в стране и поддержать авторитет монархии.

Чтобы обеспечивать бесперебойное функционирование и развитие учреждений призрения на основе благотворительности, необходимо было активно вовлекать в нее подданных. Власть различными способами поощряла благотворительность. Жертвователи могли рассчитывать на ордена, медали и почетные знаки, на присвоение их имен благотворительным заведениям, капиталам, стипендиям. Лица, жертвовавшие заведениям и обществам Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, могли, кроме того, рассчитывать на чины и ведомственные мундиры. Чины и мундиры также предоставля-

⁶⁴ Некрасов А. Я. Благотворительность // Социальная энциклопедия. С. 45.

лись тем, кто безвозмездно служил в упомянутых ведомствах. Благотворительная деятельность могла послужить средством к общественному признанию для того, чтобы, например, пройти по выборам в земство или стать предводителем дворянства. Благотворительный бал или вечер помогал организатору познакомиться с «нужными» людьми из властных структур.

Итак, российскую благотворительность, включая осуществлявшуюся под покровительством дома Романовых, можно охарактеризовать как основанную на религиозно-нравственных, социальных, политических, карьерно-служебных и материальных стимулах, поощряющуюся государством и императорской властью добровольную, инициативную деятельность частных лиц и общественных организаций, направленную на оказание помощи в различных формах тем, кто не мог обеспечить свое существование по социально-экономическим, медицинским и психологическим причинам.

Главной особенностью российской благотворительности являлось то, что она была необходимым и важнейшим элементом общественного призрения. В отличие от благотворительности призрение представляло (и представляет) собой комплекс организационно-правовых, патронажных, медицинских, социально-реабилитационных и учебно-воспитательных мероприятий, направленных на оказание помощи различным категориям нуждающихся в установленном законодательством порядке. Общественным призрением в дореволюционной России называлось не потому, что существовало за счет благотворительных средств общественности, а потому, что рассматривалось как задача всего общества. Государство, при отсутствии социальной политики в современном понимании, не устранялось от призрения. Оно не только поощряло и направляло благотворительность, но и оказывало помощь благотворительным ведомствам, обществам и учреждениям, в первую очередь, состоявшим под покровительством дома Романовых. Оно выражалось в личной благотворительности членов императорской фамилии и в осуществлении ими руководства этими ведомствами, комитетами, их структурными подразделениями и отдельными учреждениями. «собственные средства» членов царской семьи формировались из казенных сумм и доходов с уделов. Поскольку императорская фамилия существовала за счет эксплуатации подданных, благотворительные пожертвования ее членов могут рассматриваться как фактическое перераспределение этих средств. Но с учетом исторической роли и места императора и его семьи в политической системе самодержавия их пожертвования можно рассматривать как проявление личной благотворительности. В дореволюционной литературе неизменно подчеркивается частный, благотворительный характер пожертвований монархов и их родственников.

Императрица Елизавета Алексеевна. Литография XIX в.

Из представителей императорской фамилии наиболее значительные пожертвования подведомственным учреждениям были сделаны супругой и вдовой Павла I Марией Федоровной. По данным «сборника сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии», вышедшего в трех томах в 1884–1898 гг., по состоянию дел на 1884 г. ее пожертвования исчислялись в 1 241 478 руб. серебром и еще 515 389 руб. ассигнациями⁶⁵. Пожертвования супруги Александра I Елизаветы Алексеевны по исчислению на 1884 г. составляют 1 510 597 руб. ассигнациями⁶⁶.

Супруга Николая II Александра Федоровна пожертвовала Попечительству о домах трудолюбия и работных домах 50 тыс. руб. На библиотеку и 70 тыс. руб. На учреждение премий авторам трудов о благотворительности⁶⁷. Прочие члены женской части монаршей семьи также жертвовали благотворительным заведениям, но не столь значительные суммы.

Следует отметить, что исчисление пожертвований первой четверти XIX в. по состоянию на 1884 г. не искажает приведенных сведений. Россия в те времена переживала инфля-

⁶⁵ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии: в 3-х т. Т. 1. 1884. СПб, 1884. Т. 1. С. X.

⁶⁶ Там же. С. XI.

⁶⁷ Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. Пг., 1915. С. 16.

цию. Капиталы обесценивались, менялся курс серебряного рубля по отношению к ассигнационному. Ценные бумаги, в которых помещались капиталы, меняли курс.

Императоры и другие представители мужской половины дома Романовых также жертвовали учреждениям императрицы Марии. Николай I даровал Александринскому сиротскому дому 100 тыс. руб. ассигнациями, к 1884 г. составлявших 36 тыс. 516 руб. серебром⁶⁸. Александр II пожертвовал Ведомству детских приютов 70 тысяч рублей для создания эмеритальной (пенсионной. – *Прим. авт.*) кассы⁶⁹. Он же даровал ведомству императрицы Марии один миллион рублей в память скончавшейся супруги⁷⁰.

Николай I. Неизвестный художник Копия с ориг. Ф. Крюгера. Середина XIX в.

В отдельных случаях пожертвования членов императорской фамилии играли существенную роль в формировании средств благотворительных заведений. Но в целом капиталы, сформированные из этих средств, составляли небольшую часть от общих сумм, которыми распо-

⁶⁸ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. XI, 789.

⁶⁹ Отчет Санкт-Петербургского совета детских приютов за 1865 г. // Всеподданнейший отчет по Санкт-Петербургскому совету детских приютов за XXV лет с 16 мая 1837 по 16 мая 1862 г. (отчеты 1862–1879 гг.). СПб, 1862–1879.

⁷⁰ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 1–2. С. 392.

лагали благотворительные ведомства дома Романовых. Капитал только главного управления Ведомства учреждений императрицы Марии составлял к 1884 г. 24 159 521 руб. 77 коп.⁷¹ Крупные средства поступали от монархов Императорскому Человеколюбивому обществу, но по сравнению с прочими благотворительными пожертвованиями XIX – начала XX вв. Эти средства составляли меньшую часть. Больше других пожертвовал Александр I. Начиная с 1816 г. и до конца его правления Человеколюбивое общество всего получило пожертвований на сумму 1 327 950 руб., из них более 600 тыс. руб. поступили от имени императора. В годы правления Николая I это общество получило 9 606 203 руб. пожертвований. Из них около 7 000 000 руб. от различных обществ, учреждений и частных лиц. Остальные деньги поступили от имени царя. При Александре II Императорскому Человеколюбивому обществу были переданы от имени монарха 2 756 466 руб., тогда как всего поступили 15 086 940 руб. От имени Александра III получено 1 167 105 руб., а общая сумма пожертвований составила 21 362 298 руб.⁷²

Невелики были августейшие пожертвования Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. По состоянию на 1915 г. средства Попечительства составляли 1 784 990 руб. 86 коп.⁷³ Императрица Александра Федоровна пожертвовала в общей сложности 120 000 руб.

То, что пожертвования членов дома Романовых составляли существенную, но сравнительно небольшую часть от общего количества пожертвований благотворительным организациям не может рассматриваться как «скупость» или «жадность» августейших особ. Важен был не размер суммы, а сам факт участия монархов и их родственников в богоугодном деле. С одной стороны, это служило укреплению патриархально-патерналистских представлений о самодержавной власти, а с другой, должно было вдохновлять на пожертвования подданных, полагавших, что они делают одно общее дело с первыми лицами страны.

Характер управления благотворительными ведомствами и их структурными подразделениями со стороны членов императорской фамилии был обусловлен как их личными качествами, так и ролью в функционировании имперской государственности на разных этапах ее развития. Часть представителей дома Романовых, занимавших такие посты, выполняла свои обязанности формально, ограничиваясь представительскими функциями. Другие, напротив, реально и эффективно руководили вверенными императорской фамилии благотворительными структурами.

⁷¹ Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. С. 779.

⁷² Троицкий В. Д. Краткий исторический очерк и современное состояние благотворительной деятельности Императорского Человеколюбивого общества // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб, 1910. С. 451–452, 454–455.

⁷³ Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915. С. 17.

Александр II. Неизвестный художник. Середина XIX в.

Екатерина II активно занималась разработкой законодательных основ деятельности созданных ею благотворительных учреждений призрения, учебно-воспитательных программ воспитательных домов и Смольного института. Императрица часто бывала в Смольном, переписывалась с его воспитанницами. Однако ее интересовало не призрение, а педагогический эксперимент по воспитанию «новой породы людей». Непосредственно в административно-хозяйственные вопросы Екатерина мало вникала.

Мария Федоровна лично руководила подведомственными ей благотворительными учреждениями. Она составляла учебно-воспитательные программы, занималась правовыми, административно-хозяйственными, финансовыми и кадровыми вопросами, связанными с этими учреждениями, входила во все, даже самые незначительные детали жизни своих учреждений, такие как прием на работу и увольнение учителей, заключение контрактов на поставку продовольствия, восковых свечей и прочее. Добросовестность при выполнении любой работы,

методичность и внимание к деталям были чертами ее характера, проявлявшимися с детства. Биограф Марии Федоровны Е. С. Шумигорский отмечает: «Уже одна аккуратность в ведении переписки с родителями при самых тяжелых обстоятельствах домашнего обихода, и чистота черновых тетрадей, в которых первоначально писались, почти без помарок, эти письма, доказывают склонность принцессы к обдуманному, методическому образу действий...»⁷⁴. Другой чертой характера Марии Федоровны была бережливость, хозяйственность. «Без сомнения, расчетливость Марии Федоровны может показаться иногда чересчур мелочной для супруги наследника русского престола, – пишет Шумигорский, – но не надо забывать, что финансовые дела великокняжеской четы... поневоле вынуждали Марию Федоровну быть бережливой на расходы по Павловску...»⁷⁵. Подаренный Екатериной наследнику престола и его супруге Павловск стал местом, где Мария Федоровна осуществляла свои первые благотворительные акции. В частности, под ее руководством делались прививки от оспы, была открыта и содержалась на ее средства школа для детей бедных жителей Павловска. Став императрицей, Мария Федоровна деньги считать не разучилась.

⁷⁴ Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. СПб, 1897. Т. I. С. 34.

⁷⁵ Там же. С. 313.

Императрица Мария Федоровна. Литография Ф. Шевалье с картины Дж. Лоу. 1820-е гг.

Четкая организация, порядок и экономность в вопросах организации призрения были обусловлены личными качествами императрицы. Но исходным мотивом ее деятельности были другие личные качества – доброта, человеколюбие, осознание того, что обездоленные подданные требуют поддержки и защиты. Высокие нравственные качества Марии Федоровны неоднократно подчеркивались современниками и биографами. Е. С. Шумигорский, монархист по убеждениям, историограф и служащий Ведомства императрицы Марии представляет Марию

Федоровну как воплощение всех человеческих добродетелей. И она действительно обладала безупречной нравственной репутацией, резко контрастировавшей с нравами эпохи. Личные качества Марии Федоровны никем не ставились под сомнение. Даже такой недоброжелательный и придирчивый мемуарист как Шарль де Массон, подробно описавший нравы императорского двора и правителей России XVIII – начала XIX вв., отмечает: «она не искала уважения этой нации (русских. – *Прим. авт.*), притворно стараясь презирать свою и краснеть за свое происхождение, она заставила себя любить за доброту и уважать – за свои добродетели»⁷⁶. Но лучше всего о заслугах Марии Федоровны свидетельствуют не мемуаристы и официальные биографы, а созданный ею комплекс благотворительных учреждений призрения.

Мария Федоровна является первым настоящим организатором призрения в России. Однако не все современники положительно оценивали ее деятельность. Графиня В. Н. Головина, приближенная ко двору Екатерины и Павла, пишет в своих «мемуарах» о Марии Федоровне: «она полагала, что, помогая несчастным, исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце»⁷⁷. Возможно, мемуаристка принимала за тщеславие стремление Марии Федоровны придать благотворительности организованный характер. Это вполне могло рассматриваться в придворных аристократических кругах как проявление тщеславия.

Мария Федоровна пережила своего старшего сына Александра I и невестку, императрицу Елизавету Алексеевну, скончавшись в 1828 г. Тогда же комплекс благотворительных учреждений призрения, находившийся под ее управлением, был преобразован в IV отделение собственной его императорского величества канцелярии и назван в честь покровительницы «учреждениями императрицы Марии».

⁷⁶ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 105–106.

⁷⁷ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 120.

Благотворительность императрицы Марии Федоровны. Гравюра XIX в.

Супруга Николая I Александра Федоровна (Шарлотта-Фредерика Прусская) в роли покровительницы благотворительности ограничивалась только представительством, посещая вместе с супругом женские институты. Николай I интересовался жизнью учреждений императрицы Марии, поскольку стремился лично вникать во все дела государственного управления. Но прежнего внимания к благотворительным учреждениям уже не было. Это стало заметно даже по отношению к самым привилегированным из них – женским институтам. Современники отмечали, что в новое царствование «женские заведения», пользовавшиеся особым вниманием императорской семьи, были уже «не в таком цветущем состоянии, как при императрице Марии Федоровне»⁷⁸.

Во второй половине XIX столетия высочайшее покровительство благотворительности и непосредственное участие в ней членов императорской фамилии не только сохранило прежнее значение, но и приобрело новое. Развитие общественной инициативы в этой сфере нашло отражение в изменении законодательства. В 1862 г. министру внутренних дел разрешено было утверждать уставы благотворительных обществ и заведений, тогда как раньше это делал лично император. Только за 1856–1865 гг. были созданы 85 новых благотворительных обществ, тогда как за предшествующее десятилетие – только 33. Всего в царствование Александра II возникло более 750 благотворительных организаций⁷⁹. Это, а также повышение общественного внимания к социальным вопросам, привело к появлению альтернативы привилегированным ведомствам в области призрения. Это не означало прямой конкуренции в заботе об обездоленных,

⁷⁸ Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб, 2001. С. 470.

⁷⁹ Lindenmeyr A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 17.

но объективно заставляло августейших покровителей думать о развитии подведомственных им благотворительных структур.

Во второй половине XIX в. появилось еще одно обстоятельство, побуждавшее монархию поддерживать традиции покровительства благотворению. Первая семья государства оказалась под пристальным вниманием общественного мнения. В XVIII в. российские самодержцы, за исключением Петра I, редко показывались народу, общаясь с достаточно узким кругом подданных. В глазах обывателей монарх был почти что небожителем. С начала XIX столетия ситуация начала меняться. Развитие общественной жизни и государственных институтов требовало от самодержцев решать гораздо больше управленческих задач, больше знать и видеть. Круг их общения расширился, они вынуждены были прислушиваться к голосу общественности.

Императрица Александра Федоровна. Литография первой половины XIX в.

Развитие российского общества в период реформ Александра II, рост числа образованных людей, появление разночинной интеллигенции, оппозиционные настроения – все это привело к тому, что общественное мнение стало более взыскательным к носителям верховной власти, хотя и патриархальные представления о ней оставались достаточно прочными. Демонстрация монаршей заботы о подданных была призвана поддерживать ее авторитет не только в глазах «простого народа», но и образованных общественных кругов.

Интерес Александра II к благотворительным учреждениям под монаршим покровительством ограничивался, как правило, посещением женских институтов. Прочие учреждения

Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества удостоивались таких визитов редко. Однако Александр II, несомненно, понимал, какое значение имело личное участие монарха в делах благотворительности и призрения. Свидетельство этому – один миллион рублей, пожалованный царем на благотворительные цели в память о своей супруге Марии Александровне.

Александр III, вступив на престол, обнаружил полную неосведомленность о деятельности благотворительных учреждений под монаршим покровительством. Даже о том, что его мать лично покровительствовала призрению слепых, он имел весьма смутное представление. В биографии первого руководителя попечительства императрицы Марии Александровны о слепых К. К. Грота упоминается, что в одной из бесед император «выразил, что он мало знает о деятельности покойной его родительницы в пользу слепых»⁸⁰. Александр III посещал вместе с супругой женские институты, знакомился с отчетами по ведомству императрицы Марии и Человеколюбивому обществу, но в детали управления не вникал. Он стремился лишь к упорядочению их финансово-хозяйственной деятельности, чтобы не покрывать из казны убытков. Именно поддержка монарха позволила К. К. Гроту решить сложнейшую задачу наведения порядка в финансах Ведомства императрицы Марии. То, что Александр III не вмешивался в непосредственное управление благотворительными ведомствами, пожалуй, было к лучшему, если учесть, что однажды вмешательство монарха серьезно осложнило использование упомянутого миллиона, пожертвованного Александром II. По распоряжению Александра III на проценты с этого миллиона была куплена и передана Попечительству о слепых абсолютно не нужная ему дача, то есть участок земли с постройками под Петербургом. Небрежное юридическое оформление сделки доставило немало хлопот Попечительству, которое позднее избавилось от дачи с убытком для себя.

Женские институты Александр III посещал нечасто и только вместе с супругой, не проявляя к ним никакого интереса. В официальной литературе, посвященной ведомству императрицы Марии, подробно рассказывается о том, как император интересовался жизнью воспитанниц женских институтов. Однако в мемуарах хорошо знавшего Александра III графа С. Д. Шереметева говорится, что эти посещения лишь раздражали императора. Граф отмечает, что Александр «...вовсе не ездил по институтам, куда посылал императрицу с фрейлинами. Можно отметить только редкие посещения, и то в последние годы, и лишь по необходимости»⁸¹. Шереметев полагал, что Александр III вообще отрицательно относился к ведомству императрицы Марии, «ненормальность которого он вполне сознавал»⁸². Здесь мемуарист выразил свою, субъективную точку зрения. Хотя Александр III и не вникал глубоко в деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, он, в принципе, понимал их роль и значение. Иначе одним росчерком пера просто упразднил бы эти структуры или передал в Управление министерств.

Взгляды последнего российского императора Николая II на благотворительность и призрение не выходили за рамки традиционных патриархально-патерналистских воззрений. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к женским институтам Ведомства императрицы Марии. Мнение Николая о цели их деятельности менее известно, чем знаменитое высказывание о «бессмысленных мечтаниях» по поводу участия земств в делах государственного управления, но оно не менее ярко характеризует последнего российского самодержца. Знакомившись с отчетом Ведомства учреждений императрицы Марии за 1890–1900 гг., представленным главноуправляющим ведомством графом Н. А. Протасовым-Бахметевым, Николай

⁸⁰ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения: в 3-х т. Пг., 1915. Т. 3. С. 170.

⁸¹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева / Сост., подг. текста и примеч. Л. И. Шохина. М., 2001. С. 604.

⁸² Там же.

заметил: «мне не надо, чтобы из институтов ваших выходили Ковалевские (имелась в виду женщина-ученый Софья Ковалевская. – *Прим. авт.*). Я требую, чтобы вы возвращали детей родителям здоровыми, сильными, чтобы впоследствии они могли быть хорошими матерями...»⁸³.

Забота царя о здоровье воспитанниц понятна. Николай сам был примерным мужем и отцом, но совершенно не понимал образовательных и воспитательных задач, которые время поставило перед женскими учебными заведениями России в канун XX столетия.

Императрица Мария Александровна. Дагерротип. 1860-е гг.

Супруги императоров во второй половине XIX – начале XX вв. по традиции продолжали покровительствовать благотворительности. В какой-то степени делами Ведомства императрицы Марии занималась супруга Александра II Мария Александровна (Мария Гессен-Дармштадтская). При ней произошли некоторые позитивные изменения в учебно-воспитательной части заведений для призрения детей и юношества, главным образом, в женских институтах, отличавшихся чрезвычайным консерватизмом. В частности, положительное отношение императрицы позволило перевести в русло практического обсуждения и реализовать предложение

⁸³ Всеподданнейший отчет за десятилетие (1890–1900) управления ведомством учреждений императрицы Марии. СПб, 1900. С. 2.

отпускать воспитанниц институтов на летние каникулы. У этой, казалось бы, вполне разумной идеи было в то время немало противников. При поддержке императрицы в Смольный институт был назначен инспектором классов и начал в нем преобразования выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский. У Марии Александровны хватило здравомыслия не поверить доносам о его политической неблагонадежности. Но она и не выступила в его защиту, когда педагог столкнулся с яростным сопротивлением институтского начальства, не желавшего ничего менять и считавшего порядки времен Марии Федоровны идеальными.

С началом царствования Александра III Ведомство императрицы Марии возглавила его супруга, также Мария Федоровна (Дагмара Датская). Она управляла им до свержения монархии в России. В отличие от Марии Федоровны «вюртембергской», Мария Федоровна «датская» глубоко не вникала в жизнь подведомственных ей учреждений. Но она обладала здравым практическим умом и, безусловно, понимала, какое значение имело покровительство благотворительности со стороны монаршей власти. Мария Федоровна осознавала, что крупнейшее благотворительное ведомство под высочайшим покровительством нуждалось в преобразованиях. Именно по ее настоятельной просьбе должность главноуправляющего ведомством занял К. К. Грот, опытный и честный администратор. Пользуясь поддержкой императрицы и самого монарха, он провел ревизию капиталов и упорядочил финансовую отчетность, сделав бюджет ведомства бездефицитным.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна и сопровождающие ее лица выходят из здания Главного склада Российского общества Красного Креста в Санкт-Петербурге (Корпусное шоссе, 1) 1912–1913 г. Фото ателье К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

При Марии Федоровне было принято новое Положение о детских приютах, введен ряд законоположений, облегчивших сотрудничество ведомства с другими благотворительными организациями и государственными структурами. В начале XX в. были приняты новые положения о женских институтах и гимназиях императрицы Марии, унифицированы таблицы и учебные планы этих и других учебно-воспитательных заведений, что положительно сказалось на их деятельности, а собственно ведомство сохранило самостоятельность и независимость от государственного контроля, что вряд ли было возможно без санкции августейшей покровительницы.

Группа медицинского персонала и раненые в Дворцовом лазарете с императрицей и великими княжнами (во 2-м ряду сидят слева направо: великие княжны Анастасия, Мария и Ольга Николаевны, императрица Александра Федоровна, великая княжна Татьяна Николаевна; в 3-м ряду стоит справа у колонны дочь английского посла Мириэль Бьюкстен). Царское Село. 1915 г. ЦГАКФФД СПб.

Руководство благотворительностью было для Марии Федоровны важным делом и по причинам личного характера. Хорошо известно, что она недоброжелательно относилась к невестке – Александре Федоровне, супруге наследника престола, а позже императора Николая II. Существовало неофициальное соперничество между двором Марии Федоровны и императорским двором. Управление учреждениями императрицы Марии являлось для Марии Федоровны свидетельством ее самостоятельности и независимости в семье монарха. О том, чтобы она уступила руководство ведомством императрицы Марии или Российским обществом Красного Креста не могло быть и речи.

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская), в 1894 г. Обретя статус императрицы, первое время не имела под своим покровительством никакого крупного благотворительного ведомства. Но уже в 1895 г. она приняла покровительство над созданным Попечительством о домах трудолюбия и работных домах. Это должно было помочь формированию образа милосердной и добродетельной государыни. Однако Александра Федоровна ограничивалась представительством и не интересовалась конкретными вопросами деятельности вверенных ей учреждений. Она предпочитала посещать не дома трудолюбия, а женские институты. Следует отметить, что контингент, призревавшийся в домах трудолюбия, был специфическим. К трудовой помощи прибегали безработные, бродяги, освободившиеся из мест заключения, лица, утратившие прежний социальный статус. В отличие от благородных девиц, эти люди в меньшей степени подходили для выражения верноподданнических чувств.

Помимо императоров и их жен, благотворению покровительствовали и другие члены императорской фамилии. Во второй половине XIX в. выдающуюся роль в руководстве благотворительностью, призрением и женским образованием в России сыграл принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Службу в ведомстве императрицы Марии принц начал в 1839 г. В 1860–1880 гг. он возглавлял ведомство, энергично и последовательно занимаясь вопросами образования и призрения.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Литография XIX в. РНБ

Помимо этой, главной в его жизни должности, принц числился почетным опекуном и председателем опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии, попечителем свято-троицкой общины сестер милосердия, покровителем глазной лечебницы, почетным попечителем Мариинского благотворительного общества в Петербурге, Киевского дома призрения бедных, общества для поощрения трудолюбия в Москве. Кроме того, он являлся попечителем Мариинской женской гимназии в Петербурге, входившей в состав Ведомства императрицы Марии⁸⁴. На всех этих должностях принц стремился реально руководить подведомственными ему обществами и учреждениями, но главное внимание уделял ведомству

⁸⁴ РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

императрицы Марии, в особенности входившим в его состав учебно-воспитательным учреждениям. Под руководством и при личном участии принца с середины XIX в. и до его кончины в 1880 г. Разрабатывались все учебно-воспитательные планы и программы, уставы, положения и штаты детско-юношеских учреждений призрения.

Значительную роль принц П. Г. Ольденбургский сыграл в развитии женского образования в России. В период, когда он возглавлял ведомство императрицы Марии, была реформирована учебно-воспитательная часть женских институтов, устранены наиболее архаичные черты институтского воспитания и обучения, усовершенствованы учебно-воспитательные программы прочих учебных заведений.

С именем принца связано создание женских гимназий – первых в России всесословных средних женских учебных заведений открытого типа. Эти гимназии по своим целям и задачам не являлись учреждениями призрения и по существу были чужеродным элементом в ведомстве императрицы Марии. Но именно авторитет ведомства и внимание члена императорской фамилии способствовали распространению этого типа учебных заведений в стране.

Посещая вверенные ему благотворительные заведения, принц стремился вникать во все детали учебно-воспитательного процесса и жизни питомцев. А. В. Стерлигова, воспитанница Петербургского женского института ордена св. Екатерины, приводит в своих мемуарах пример доброжелательности принца и его внимания к мелочам. Во время обеда с воспитанницами он обратил внимание на то, что институтки не притронулись к овсяному супу, и поинтересовался, почему они так поступают. В ответ на то, что блюдо не нравится воспитанницам, принц возразил: «Но почему? Это очень вкусно. Мне очень понравилось». В ответ услышал: «Это естественно, ваше императорское высочество, это ваш национальный суп»⁸⁵. И нелюбимое девицами блюдо исчезло из меню. Подобный разговор с любым другим членом императорской фамилии был едва ли возможен.

Принц П. Г. Ольденбургский не только управлял ведомством императрицы Марии, но жертвовал личные средства на благотворительные цели. Став в 1847 г. попечителем основанной тремя годами раньше свято-троицкой общины сестер милосердия, он пожертвовал общине 50 тыс. руб. на покупку дома⁸⁶. Всего община получила от принца 225 тыс. руб.⁸⁷ Детскому приюту его имени в Петербурге он пожертвовал 40 тыс. руб.⁸⁸ Медицинские учреждения Ведомства императрицы Марии получили от него в общей сложности более 1 000 000 руб.⁸⁹ Кроме того, 1 300 000 руб. Петр Ольденбургский пожертвовал Училищу правоведения в Петербурге⁹⁰ – элитарному высшему учебному заведению для подготовки юристов и государственных служащих. К ведомству императрицы Марии и к призрению вообще Училище правоведения не имело отношения, но и это пожертвование принца можно отнести к благотворительности.

Деятельность Петра Георгиевича Ольденбургского высоко оценивалась современниками. Хорошо знавший семью Ольденбургских граф С. Д. Шереметев так характеризует принца в своих мемуарах: «Человек глубоко верующий, безукоризненно нравственный, сильный духом, незлобный и смиренный, повелительный и нервный. Большой хлопотун, неутомимый при исполнении служебных обязанностей, самим им создаваемых, в высшей степени подвижной (так в тексте. – *Прим. авт.*), то и дело путешествующий по России для обозрения различных учреждений ему подведомственных... его центральной заботой было делание добра, его

⁸⁵ Стерлигова А. В. Воспоминания институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 113.

⁸⁶ Пакков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб, 1885. С. 125.

⁸⁷ Анищенко Э. А., Голикова Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб, 1997. С. 126.

⁸⁸ Пакков А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С. 125.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Яковлева Е. Б. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX в. // Немцы и развитие образования в России. СПб, 1998. С. 182.

добросовестная мысль никогда не забывала блага России»⁹¹. Современники видели и другие черты характера П. Г. Ольденбургского. В «воспоминаниях» М. Н. Стоюниной, учившейся в Мариинском женском училище в Петербурге, отмечается: «По общему мнению, старый принц (П. Г. Ольденбургский. – *Прим. авт.*), будучи очень добрым человеком и полный самых лучших намерений, не отличался умом, и о нем ходили в Петербурге анекдоты, причем этот недостаток ярко рисовался»⁹². Но тот же мемуарист отмечает заботу принца о воспитанницах женских институтов, которая была вполне искренней: «он любил посещать институты, возил воспитанницам угощения конфетами, привозил им свои музыкальные и литературные произведения, одним словом наслаждался своей ролью покровителя, воспитателя и защитника молодых девушек. Он, конечно, не подозревал той лжи, которой были пропитаны чуть ли не стены закрытых учебных заведений, где блистала только внешняя сторона»⁹³.

Современникам было хорошо известно, что П. Г. Ольденбургский, будучи мягким и доброжелательным человеком, иногда неожиданно впадал в ярость по самым незначительным поводам. В 1860 г. Состоялся первый выпуск учениц, поступивших сразу в шестой, старший, класс Мариинского женского училища. По этому поводу в училище состоялся «торжественный акт», на котором присутствовал принц П. Г. Ольденбургский. Ему показалось, что в «актовой» речи содержалось осуждение деятельности И. И. Бецкого. Выступавший с речью преподаватель училища В. Я. Стоюнин (впоследствии супруг мемуаристки М. Н. Стоюниной) был вызван к принцу «для объяснения», и тот «... в сущности, очень добрый человек, по общему мнению, дал волю своему гневу, разбил все новое направление в женском образовании, тех новых преподавателей, которые были приглашены в институты... и объявил, что всех их нужно было бы повесить и притом почему-то головой вниз. Потом он подвел Владимира Яковлевича к окну своего кабинета, выходящего на Неву, с видом на Петропавловскую крепость и, указывая на нее, в бешенстве воскликнул: «вот где ваше место, а не на учительской кафедре»⁹⁴. Однако хорошо было известно, что приступы ярости, посещавшие принца, быстро проходили и не имели никаких последствий. Подвергшийся разносу педагог «все это спокойно с виду выслушал, затем забавно было, что принц указал в рукописи данной ему речи, какую-то ошибку, притом неправильно, и Владимир Яковлевич тут же поспорил с ним, не уступая ни на йоту»⁹⁵.

Несмотря на некоторые особенности своего характера, принц П. Г. Ольденбургский, тем не менее, пользовался безусловным уважением современников, как человек, обладавший высокими нравственными качествами, и как организатор благотворительности и женского образования в России.

В конце XIX столетия известный журналист и публицист А. К. Скальковский, далекий от придворных кругов, писал в биографическом очерке, посвященном Петру Ольденбургскому: «имея возможность, по своему положению, пребывать в почетной праздности, принц смолоду предпочел хлопотливые и ответственные ежедневные занятия делами благотворительности»⁹⁶. Скальковский отмечает: «Популярность его в России и в Петербурге была громадна»⁹⁷. Характерно, что упоминание о «почетной праздности», в которой могли пребывать члены императорской фамилии, сделано не в оппозиционном нелегальном издании, а в дозволенных цензурой очерках. Сам А. К. Скальковский, близкий к редактору и издателю газеты «новое время» А. С. Суворину, не имел никакого отношения к политической оппозиции. Это указывает на

⁹¹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 267.

⁹² Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 384–385.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Стоюнина М. Н. Воспоминания. Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: исторический альманах. 7. М., 1992. С. 380.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Скальковский А. К. Наши государственные и общественные деятели. Сочинение автора «Современной России». Второе издание. СПб, 1891. С. 245.

⁹⁷ Там же. С. 249.

то, какое значение имело на рубеже XIX–XX вв. покровительство благотворительности со стороны членов дома Романовых для формирования их личной репутации.

Искренняя, глубокая любовь принца к России находила выражение даже, казалось бы, в мелочах. В «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений», составленном принцем и утвержденном императором в 1852 г., указано на слабое знание воспитанницами женских институтов русского языка. В ту эпоху дворянство гораздо больше внимания уделяло французскому языку, который, по существу, был родным для многих представителей этого сословия. Однако, П. Г. Ольденбургский считал ненормальным положение дел, при котором русский язык находился в пренебрежении, тогда как ошибки во французском считались в определенных кругах признаком необразованности. «отечественный язык, – говорится в „наставлении“, – должен быть известен каждому русскому во всей полноте»⁹⁸. Масштабы деятельности Петра Георгиевича Ольденбургского в области благотворительности, призрения и просвещения могут быть сравнимы разве что с деятельностью Марии Федоровны в конце XVIII – начале XIX вв. Принц реформировал и совершенствовал благотворительность и призрение под августейшим покровительством в период, когда самодержавная власть постепенно утрачивала ореол непогрешимости и всемогущества, а общественная активность и оппозиционные настроения, напротив, возрастали.

Традицию покровительства благотворительности в роду Ольденбургских продолжил старший сын Петра Георгиевича принц Алексей Петрович Ольденбургский. Он не унаследовал высоких нравственных качеств и организаторских способностей своего отца, имел репутацию энергичного, но неуравновешенного человека. Друг семьи Ольденбургских С. Д. Шереметев упоминает о характере принца: «с молодых лет он отличался горячностью и порывами»⁹⁹. Другой современник А. П. Ольденбургского, С. Ю. Витте, указывает в своих «воспоминаниях» на «ненормальность» принца, добавляя, что он «... вместе с тем известен своей весьма полезной деятельностью»¹⁰⁰. А. П. Ольденбургский занимал ряд руководящих постов в учреждениях призрения и здравоохранения. При его активном участии в Петербурге были созданы институт экспериментальной медицины, лечебница для душевнобольных и народный дом императора Николая II. «все это, – отмечает Витте, – создано принцем А. П. Ольденбургским, но на казенные деньги; можно даже с уверенностью утверждать, что то же самое было бы создано с гораздо меньшими затратами и, вероятно, более разумно обыкновенными смертными, если бы те деньги, которые ухлопал на это дело из казенного сундука принц А. П. Ольденбургский, были бы даны обыкновенным русским обывателям»¹⁰¹. Однако Витте вынужден признать, что упомянутые учреждения были созданы благодаря энергии А. П. Ольденбургского, который организовывал «... большие предприятия, не имея денег и зная, что так или иначе, но деньги эти будут уплачены, так как в крайнем случае он всегда уприсит государя, чтобы его величество приказал это сделать»¹⁰². При самодержавном строе умение «упросить» государя выделить деньги на доброе дело было, все-таки, положительным качеством.

⁹⁸ Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб, 1852. С. 12.

⁹⁹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 281.

¹⁰⁰ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 161.

¹⁰¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 564.

¹⁰² Там же. С. 568.

Великая княгиня Елена Павловна. Литография П. Сюдре. 1836 г.

К членам дома Романовых, которые не ограничивались лишь представительством в подведомственных благотворительных учреждениях, можно отнести великих княгинь Елену Павловну и ее дочь Екатерину Михайловну. Елена Павловна (Каролина Вюртембергская) была супругой великого князя Михаила Павловича, сына императора Павла, слыла одной из самых образованных и культурных представительниц августейшей семьи. Она достаточно активно занималась управлением нескольких благотворительных учреждений, переданных под ее покровительство по завещанию Марии Федоровны. После кончины Елены Павловны эти учреждения перешли в ведение ее дочери, великой княгини Екатерины Михайловны, супруги герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга.

Великая княгиня Екатерина Михайловна. Литография второй половины XIX в.

В 1872 г. Екатерина Михайловна была избрана председательницей совета Патриотического общества, входившего в состав Ведомства императрицы Марии. Возглавляя совет, она лично рассматривала все вопросы, связанные с учебно-воспитательной частью женских школ Патриотического общества, разрабатывала новый для них устав совместно с принцем П. Г. Ольденбургским. При этом даже вступала с принцем в полемику, которая, впрочем, не выходила за рамки обсуждения деталей учебно-воспитательного процесса.

Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1910-е гг.

В какой-то степени занималась управлением подведомственными учреждениями великая княгиня Александра Петровна (Александра Ольденбургская), супруга великого князя Николая Николаевича старшего, сына Николая I. Во второй половине XIX в. Александра Петровна возглавляла Санкт-Петербургский совет детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, рассматривала и утверждала ежегодные отчеты совета, посещала столичные детские приюты. Однако основная работа по управлению этими учреждениями выполнялась чиновниками совета и директорами приютов. Благотворительные пожертвования Александры Петровны были более чем скромными и имели символический характер.

В начале XX столетия широкую известность получила деятельность великой княгини Елизаветы Федоровны (Елизавета гессенская), в 1904 г. возглавившей благотворительный комитет для оказания помощи воинам, пострадавшим в сражениях русско-японской войны. Полностью он назывался «особый комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызван-

ной войной на Дальнем Востоке». (После окончания войны этот комитет был преобразован и продолжал оказывать помощь ее участникам).

Кроме того, Елизавета Федоровна была покровительницей нескольких учреждений призрения, входивших в состав Ведомства императрицы Марии и Человеколюбивого общества. Она участвовала в управлении благотворительностью, но была известна, главным образом, благодаря своей безупречной нравственной репутации и трагической судьбе. Супруг Елизаветы Федоровны, генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович был убит в 1905 г. эсерами-террористами. После его гибели она полностью посвятила себя покровительству делам благотворительности.

В соответствии с традицией почти все члены императорской фамилии состояли покровителями или председателями правлений благотворительных ведомств, комитетов, обществ и отдельных учреждений. Но те из них, кто реально выполнял государственные обязанности, не имели времени на руководство благотворительностью. В первую очередь, это относится к императорам, которые были заняты решением сложнейших задач внутренней и внешней политики государства. Роль прочих членов царской семьи как руководителей учреждений призрения и щедрость их как благотворителей ограничивались только личными качествами каждого. Не все Романовы обладали соответствующими знаниями и способностями.

Управление комплексами учреждений призрения и даже отдельными организациями было само по себе чрезвычайно сложным делом. Поэтому многие члены императорской семьи ограничивались выполнением представительских функций – покровителей, попечителей, председателей и т. д. Эффективность работы благотворительных организаций во многом зависела от профессиональных чиновников-управленцев и пожертвователей, добровольно и безвозмездно исполнявших управленческие функции.

Однако с учетом роли и места императорской фамилии в политической системе России, в структуре государственных и общественных институтов. Покровительство со стороны монархов и членов правящей династии можно рассматривать как реальный, действенный фактор, который в значительной степени определял развитие благотворительности в стране.

Говоря об актах благотворительной деятельности членов императорской фамилии, следует иметь в виду их различные уровни. Дело в том, что кроме проектов, осуществляемых Романовыми с использованием государственного потенциала и административного ресурса, занимались они и сугубо личными благотворительными делами, к которым их подвигали как воспитание, так и движения души.

Начало этой традиции положила императрица Екатерина II, которая из своей «комнатной суммы» поддерживала становление и развитие Калинкинской больницы, специализировавшейся на лечении больных «любоострастной болезнью», или сифилисом. По ее распоряжению с 1773 по 1775 г. Больнице выплачивались довольно крупные средства из «комнатной суммы императрицы». Вне всякого сомнения, за решением о выделении крупных сумм стояла сама императрица. Так, в июне 1773 г. состоялся именной указ Екатерины II «о заплата в медицинскую коллегия за пользование женщин от венерической болезни 2 238 руб. 19 коп.».¹⁰³ В августе 1776 г. указ о выделении денег на нужды Калинкинской больницы за период с 6 марта 1774 г. по 1 августа 1775 г. был повторен: «в медицинскую контору за лечение в Петербурге от венерической болезни марта 6 1774 г. по 1 число сего 1775 г. женок и девок и им на пищу и содержание 850 руб.».¹⁰⁴ Тогда же были выплачены деньги и за 1776 г.: «в медицинскую коллегия за лечение женщин от венерической болезни 1 605 руб.».¹⁰⁵

¹⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. № 69. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1773 г.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3890. № 79 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1775 г.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891 Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

Детям и внукам Николая I буквально с детства внушалось, что одной из священных обязанностей членов императорской фамилии является личная благотворительность.

Например, полковник К. К. Мердер, воспитатель будущего Александра II, в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. В 1829 г. он придумал «кассу благотворения». Замысел воспитателя заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей-соучеников оценивались в сугубо денежной форме. Проще говоря, за хорошие оценки цесаревичу платили, но полученные деньги должны были идти не на личные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело. Николай I одобрил идею, и касса действовала все время обучения наследника, т. е. с 1829 по 1837 гг.

Эта практика со временем распространилась и на остальных детей Николая I. Им ежегодно выделялось по 5000 руб. сер. в год, которые они могли потратить только на благотворительные цели. Отметим, что на гардероб великой княжне выделялось 3000 руб. в год, дочь Николая I, великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «на милостыню были предназначены 5000 руб. сер. в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капиталы. Каждый год Папа проверял наши расходы».¹⁰⁶ Таким образом, основными статьями расходов маленьких великих князей и княжон были затраты «на гардероб», на благотворительность и учителей.

Внуки Николая I в 1840-х гг. росли уже в рамках сформированной педагогической парадигмы: благотворительная деятельность есть неотъемлемая часть жизни императорской семьи. Отметим, что воспитание в подобном духе не было чем-то уникальным, характерным только для российского императорского двора. Такая же практика существовала и при европейских владетельных дворах. Разница заключалась лишь в том, что не всякий двор был в состоянии обеспечить достаточно большие суммы каждому из детей для расходов на благотворительность.

О воспитании в душах маленьких великих князей и княжон чувства сострадания, стремления помочь бедствующим, упоминается в эпистолярных источниках и мемуарных свидетельствах. Например, в 1847 г., один из воспитателей сыновей будущего Александра II писал родителям, что их старшие сыновья дали денег мальчику, который работал в парке Александрия без сапог. Воспитатель, комментируя в письме этот эпизод, отмечает, что «это уже не первые издержки при мне их высочеств. Мне часто приходится выдавать, по желанию их, особенно старшего, то нищим, то бедным итальянским шарманщикам, то старым солдатам, то фонтанщикам; так что я всякий раз, когда с ними, должен иметь при себе мелкие деньги».¹⁰⁷ При этом следует отметить, что «старшему», великому князю Николаю Александровичу, в 1847 г. было только четыре года, а его брату, будущему Александру III, шел третий год. Подчеркнем, что подобная практика со временем распространилась и на аристократические семейства, и вплоть до 1917 г. являлась частью воспитательного процесса в дворянских семьях.

Когда дети вырастали и обзаводились семьями, традиции личной благотворительности не прерывались. Из приходно-расходных книг членов императорской семьи известно, что в 1856 г. по случаю окончания крымской войны императрица Мария Александровна потратила в качестве пожертвований 60 159 руб.

С годами императрица Мария Александровна стала перечислять все больше средств на различные благотворительные цели. Тому было много причин: и фактический разрыв с мужем, у которого появилась вторая семья; и смерть в 1865 г. старшего сына Николая Александровича; и развитие ее легочного заболевания, сделавшее для императрицы невозможной свет-

¹⁰⁶ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 244.

¹⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 44 // Письма об августейших сыновьях Императора Александра II писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность его наследником Цесаревичем.

скую жизнь. Нельзя не сказать и об искренней вере бывшей дармштадской принцессы. Все это позволяло современникам заявлять, что при ежегодном бюджете в 200 000 руб. императрица Мария Александровна тратила на себя «лишь 50 тыс., отдавая все остальное на благотворительность».¹⁰⁸

По поводу «50 тыс.» мемуарист слегка преувеличил, но тенденция отмечена верно. Как следует из данных приходно-расходной книжки императрицы Марии Александровны в 1856 г. она «сэкономила» только на трех позициях: на «собственных издержках» (–1830 руб.), на пособиях (–2371 руб.) и на пожертвованиях (–26 961 руб.). Последняя цифра объясняется прекращением работы специального комитета императрицы в Симферополе, который оказывал помощь семьям погибших и раненных в ходе крымской войны.

Камер-юнгфера Яковлева вспоминала, что «императрица Мария Александровна имела огромное количество драгоценностей, которые редко надевала. Она давно отказалась от дорогих подарков, а принимала от государя *деньгами* (выделено авт.). Много золотых и драгоценных вещей превращала в деньги. Во время войны она отказалась даже шить себе новые платья и все эти сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных».¹⁰⁹

Следует подчеркнуть, что именно императрица Мария Александровна горячо поддерживала идею организации Российского общества Красного Креста (РОКК). Благодаря этому РОКК быстро превратился в самую крупную общественно-государственную структуру, аккумулировавшую на своих счетах огромные суммы, переводимые благотворителями со всей России. Именно императрица Мария Александровна вплоть до своей кончины в 1880 г. являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста.

После смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. обязанности высочайшей покровительницы РОКК приняла на себя супруга цесаревича (с 1881 г. императрица) Мария Федоровна, выполнявшая их вплоть до 1917 г. Благотворительность в царской семье скорее была уделом ее женской части, но и мужчины периодически вносили свою лепту. Как правило, из «собственных» сумм.

Периодически члены императорской семьи принимали участие в различных благотворительных акциях, чаще всего носивших «целевой характер». Это была давняя традиция, восходившая к временам Николая I. Например, в апреле 1838 г. в Александровском дворце Царского села состоялась известная лотерея, на которой разыгрывалась картина К. Брюллова «В. А. Жуковский». Вырученные от продажи картины деньги пошли на выкуп крепостного Тараса Шевченко. Сам портрет воспитателя Александра П. В. А. Жуковского потом хранился в библиотеке императора в Зимнем дворце.

Т. Шевченко писал в своей автобиографии: «сговорившись предварительно с моим помещиком, Жуковский просил Брюллова написать с него портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и портрет у него был готов. Жуковский с помощью графа Вильегорского, устроил лотерею в 2500 рублей, и этой ценой была куплена моя свобода 22 апреля 1838 года».¹¹⁰ В камер-фурьерском журнале о событиях 14 апреля 1838 г. было записано: «Ввечеру Их Величество с Их Высочеством Государем Наследником, Великою Княгиней Еленой Павловною и Великою Княжною Мариею Николаевною и собравшимися к 8-ми часам по приглашению Государыни Императрицы особами обоего пола, бывшими сего числа за обеденным столом, изволили препроводить время в круглом Нового дворца зале разными играми, танцами и розыгрышем лотареи вещей».¹¹¹

¹⁰⁸ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 198.

¹⁰⁹ Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 308.

¹¹⁰ Цит. по: *Моренец Н. И.* Шевченко в Петербурге. Л., 1960. С. 37.

¹¹¹ РГИА. Ф.515. Оп. 1 (120/2322). Д. 142. Л. 53.

Заметим, что сумма за портрет Жуковского, написанный великим К. П. Брюлловым, определялась ценой, запрошенной за Т. Г. Шевченко его владельцем. Поскольку сумма была довольно значительной, то члены царской семьи сложились для того чтобы выкупить картину. Например, великая княжна Мария Николаевна, старшая дочь Николая I, внесла 300 руб. В ее бухгалтерских книгах указывается: «Препровождены сего числа при отношении за № 360 к Ея превосходительству Ю. Ф. Барановой триста рублей ассигнациями для уплаты за билеты, взятые великою княжною Мариєю Николаевною, при розыгрывании в лотерее, в императорском семействе, написанного живописцем Брюлловым портрета В. А. Жуковского, – записать в расход по шнуровой книге о суммах Ея Высочества. Апреля 23 за 1838 год».¹¹²

Сам наследник Александр Николаевич также внес 300 руб.: «24 апреля. Заплачено за лотерейный билет портрет Жуковского живописца Брюллова 300 р.».¹¹³ Императрица Александра Федоровна внесла 400 руб.: «действ[ительной] ст[атской] советнице Ю. Ф. Барановой, за билеты на лотерею, в которой Ея Величеством выигран портрет В. А. Жуковского, четыреста рублей».¹¹⁴ Остальную сумму внес Николай I. В результате лотереи крепостной Т. Г. Шевченко фактически был выкуплен из крепостной неволи членами императорской семьи.

Другим ярким примером может служить благотворительный концерт «в пользу раненых», состоявшийся в Белом зале Зимнего дворца в феврале 1883 г. Тогда выступал «оркестр медных инструментов из любителей, который долгое время собирался у государя, когда он был великим князем». Александр III в оркестре уже не участвовал, но в нем продолжали играть его «соратники» по музыкальным увлечениям. Сбор «в пользу раненых» предполагалось передать Российскому обществу Красного Креста.¹¹⁵

Отметим, что буквально в первые же дни пребывания великой княгини Марии Федоровны (датской) в России (с осени 1866 г.) она сделала несколько ожидаемых жестов в сфере благотворительности. Так, ее первыми пожертвованиями Марии Федоровны стали деньги в пользу Царскосельского благотворительного общества (50 руб.) и деньги в пользу больницы «для страждущих от рака на содержание одной (именной. – *Прим. авт.*) кровати за год вперед с 28 октября 1866 по 28 октября 1867 г.» (120 руб.).

Впоследствии в приходно-расходных книгах императрицы Марии Федоровны появилась отдельная строка «на пожертвования». На эти цели ежегодно выделялась 21 000 руб. Значительная часть этих денег выделялась медицинским структурам: общинам сестер милосердия, преимущественно входивших в структуры Российского общества Красного Креста и различным лечебным заведениям.

Суммы пожертвований были очень разными: от 540 руб. в год на содержание одной кровати в больнице св. Ольги до 50 руб. в год, жертвуемых московскому Арнольдо-Третьяковскому училищу для глухонемых. Также императрица покровительствовала разным художественным обществам.

Ежегодно Мария Федоровна жертвовала деньги и различным медицинским структурам в родной Дании. Например, с 23 ноября 1885 г. по 1916 г. она переводила по 200 крон на счет поликлиники для бедных в Копенгагене. С 29 марта 1888 г. по 1916 г. переводились 100 крон Датскому обществу Красного Креста.

Поддерживал благотворительные устремления Марии Федоровны и ее супруг – император Александр III, у которого в его приходно-расходной книге также имелась отдельная строка – «пожертвования». Подчас эти пожертвования были очень внушительными. Подчеркнем, что речь идет не о бюджетных средствах, а о личных деньгах императорской четы. Так, в 1882 г.

¹¹² РГИА. Ф. 541. Оп. 1. Д. 30. Л. 87.

¹¹³ РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 865. Л. 56.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

¹¹⁵ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. М., 1966. С. 206.

300 000 руб. из личных денег царя ушло на постройку барачного лазарета и школы фельдшерниц дамского лазаретного комитета Российского общества Красного Креста. Поскольку императрица Мария Федоровна с 1880 г. Являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста, то, судя по всему, эти 300 000 руб. были потрачены наверняка по просьбе императрицы.

Вплоть до конца XIX в. российские императоры жертвовали на благотворительные цели подчас очень крупные суммы. Но даже на этом фоне пожертвования императора Николая II и императрицы Александры Федоровны выглядят беспрецедентно.

Во-первых, в приходно-расходных книгах Николая II средства, расходуемые по статье «Пособия богоугодным и благотворительным, лечебным и разным общепользным учреждениям», постоянно росли. Поясним, что у Николая II в бухгалтерских книгах эта статья делилась на две составляющие: пожертвования в пользу различных учебных заведений и пожертвования в пользу благотворительных учреждений. В число «благотворительных учреждений» были включены и различные храмы. Суммы, пожертвованные царем учебным заведениям, были довольно значительны. Так, с 1896 г. по 1913 г. они пять раз превышали сумму в 10 000 руб. (1896 – 16 400 руб.; 1898 – 10 600 руб.; 1900 – 11 250 руб.; 1906 – 14 250 руб.; 1907 – 13 657 руб.). Подобные выплаты по большей части не носили регулярного характера и были связаны с официальными визитами царя в те или иные учебные заведения по случаю их юбилеев. Этим, собственно, и объясняется то, что в 1903 г. По данной статье потрачено всего 264 руб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.